

УЧЕНИК БОГА

ИВАН ТАЙН

Иван Тайн

Ученик бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68778234

SelfPub; 2024

Аннотация

Каждая вселенная имеет свой срок годности и если время пришло то вселенная перезагружается, сжимаясь до точки из которой она могла бы вновь переродиться. Но переродиться нашей вселенной мешает баг при котором вселенная сжимается не в точке, а в человеке. В совсем молодом не выдавшем жизни пацане. Встретившись с могучим и всезнающим существом он раскрывает для себя катастрофическую неутешительную правду о судьбе вселенной.

Содержание

Неопалимая купина.	4
Клюв орла.	11
Корова аудумла.	19
Путь в никуда.	25
Детство великана.	31
Всему своё время.	45
Яйцо.	49
Полёт.	57
Вылупился.	60
Жизнь.	63
Франкенштейн в пробирке.	68
Время.	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Иван Тайн

Ученик бога

Неопалимая купина.

В детстве, когда мне было лет шесть, я со старшим братом и парочкой своих друзей попал, как я считаю в лучшее место для детей, – в воскресную школу. Паша, мой брат, в то время уговорил маму завести собаку. Много воды утекло, но мне кажется, назвали пса, Рексом. Именно благодаря Рексу, мы с братом познакомились с теми хорошими людьми, что пустили нас в свой храм. Я им очень благодарен, ведь в том храме в мою голову были посажены те семена, ростки которых сильнее остальных влияли на мою душевную экосистему. А многообразие развлечений избавляло, меня и остальных детей, от свершения поступков, о которых не раз бы ещё пожалели, если бы просто шлялись по улицам. К сожалению, правда, в неделю, помимо воскресенья есть ещё шесть дней, поэтому проступки были неизбежны, хотя бы один день в неделю мы были «ангелами».

Те люди, что тратили своё время, и нервы на совершенно чужих им детей, были добрейшими людьми. А дети, изрядно так могли и выматывали нервы своим родителям.

Так думал лишь я, и я был, пожалуй, исключением из пра-

вил. Пока мой брат приходил, чтобы тайком украсть у тех людей деньги, друзья мои приходили «похавать на халяву буттиков». Я вот приходил за добродушием и любовью. Ради Нафана в частности, человека, который заменил мне отца. Родного отца у меня не было, а брат со своим образом жизни, чувствую и другом быть, не способен. А Нафан совсем другое дело, считал себя не отцом, но учителем. Учителем слова божьего. Из-за чего я его чуть ли не боготворил.

Однажды в этом храме брат попался на краже, а я так боялся гнева, что просто ужас. Так боялся, что меня из-за брата выгонят, что готов был уже возненавидеть его. Но на удивление всех, наказание брат не понёс. После того как Паша вернул деньги, Нафан вновь взялся за слова божьи и провёл воспитательные работы. И ведь позволил моему брату и дальше приходить в «детский клуб» так называлась воскресная школа. Но брат разрешение, конечно же, не принял, и ушёл навсегда, так как знал, что отныне за ним будут пристально приглядывать и украсть будет уже куда сложнее. Скажу больше, деньги он вернул не все, отдал лишь часть, а остальное прикарманил. Но не беспокойтесь, я его потом возненавидел, ведь он воровал даже у собственной мамы. Оправдывать, что он поддался влиянию какого-то хулигана по фамилии Смирнов я не стану, потому что в таком случае, и я должен был бы поддаться влиянию брата.

Это ж надо таскать всё из дома, чтобы сдать на металлолом, теперь, когда я повзрослел это просто уму непостижи-

мо, а ведь ничего кроме этого я не видел, считал нормой. Кем бы я вырос, если бы не Нафан?

Насколько я знаю наркоманом или лудоманом Паша никогда не был. У него другая мания, клепто. Но это всё равно не объясняет, почему, он настолько безжалостно и бессердечен. Мама непосильным трудом, работая по десять часов на заводе, смогла прокормить и одеть троих детей, его меня сестру. А Паше просто наплевать, кто там и о чём там заботиться.

Нафан говорил что библия, учит любить всё, что нас окружает, ведь это сделал бог и сделал он это из чистой любви, а я добавлю «в точности, как и наша мама». Паша же на любовь даже для приличия не отвечал признательностью или благодарностью, только, когда просил деньги, что было так часто, что, можно сказать, будто он пребывал в благочестии на постоянной основе. У него в голове выстроилась какая-то иная картина. Даже если бы перед ним предстал сам Господь Бог, и от божьего гнева дрожала бы земля, краснело море, Паша всё равно не перестал бы думать, что он цветочек и все ему, что-то должны: почву, воду, солнце, пчёлу. А теперь представьте, как я себя чувствовал, когда мне приходилось выслушивать то, насколько «мы с братом похожи». Конечно, похожи, близнецы прям.

Но с одним брат, наверное, всё-таки был прав, не стоит уповать на бога. Нужно надеяться лишь на себя и свои силы. Сколько бы я не просил, сколько бы я не молил, ни одно из

желаний не было исполнено. Да даже, когда искал спасение в церкви, причём вместе с братом. Церковь была закрыта. Я тогда выиграл плеер mp4, и мча на автобусе домой уже мечтал посмотреть на нём какие-нибудь фильмы, но этому не суждено было сбыться, такие же, как Смирнов, двое малолетних бандитов ехали с нами и решили отобрать у меня выигрыш, который был у всех на виду. Паша мой брат знал, какие люди бывает, потому что судил по себе, и с самого начала хотел спрятать плеер под одеждой, а я со своей доброй душой и наивностью, просто не дал ему это сделать. У меня даже в мыслях не было, что кто-то способен на такое. Для большей справедливости скажу, что если бы я хоть раз ходил в церковь, не просто водички попить, после футбола (рядом со стадиона, стояла церковь), то я бы точно знал от скольких и до скольких она работает, может быть даже, нашёл бы спасение в чём то другом. Но, увы, никто не спас. Вот я после этого случая, и перестал быть меркантильным. Странно, что Паша себя повёл, как настоящий брат, успокаивая младшего. Он, конечно был в своём репертуаре. Когда нас ещё не догнали. Паша споткнулся и упал на колено, как я помню, а плеер держал у себя в кармане, штанов. В общем, мне он сказал, вспомнив этот случай, что, упал именно на плеер – ложь во благо, не иначе. Какого же у него там размера карман, представить страшно.

В этих грабителях я не видел ничего хорошего. Но затем я взглянул на брата, а потому на себя. Нет пределу совершен-

ства, подумал я тогда. Веру после этого случая вроде не потерял, но всё же перестал ходить в клуб.

Никогда в молитвах не просил чего-то серьёзного, но когда по-настоящему прижмёт, волей не волей обратишься к небу. Я опушу подробности. Настолько это происшествие будоражит мозг, что не подобрать слов. Но было безумно страшно, тело пронизывала опустошительная безнадёга. Такая безвыходная ситуация, натолкнула меня потребовать выхода и прекращения страданий. Выхода не последовало, а я перестал верить в какие-либо высшие силы, видимо сказалось расстояние от учителей. Тогда я и понял, что чтобы быть хорошим человеком необязательно верить в Бога. Бог не был почвой для взращивания моего характера, удали его из формулы и ничего не поменяется. Я всё также любил играть на гитаре, как когда-то играл нам Нафан. Я всё так же любил науку, через какую Нафан внедрял любовь к богу, он буквально ошеломлял нас физическими экспериментами. И я всё так же не превращался в демона, будучи блудным сыном, ни Нафана, ни Бога. Потому, что, ну что? Нафан без своих учителей не полюбил бы науку? Я и сам обожал смотреть передачи о науке Вселенная Стивена Хокинга, например, хотя в пять лет вред ли я интересовался наукой, конечно.

Но, вот я без Нафана и детского клуба, несомненно, затушил бы в себе этот огонёк веры. Мне как-то приснился сон, где я в пустой комнате, в абсолютном одиночестве услышал

голос извне. Этот голос хотел меня забрать, забрать прочь от проблем. Но при том условии, что он выдернет меня с корнем, жестоко травмируя мир, с вероятностью уничтожить его безвозвратно.

– Но не беспокойся за людей, мир уже был на грани исчезновения – спешил он меня успокоить – а так я хотя бы спасу тебя, согласен ли ты? Добавил он.

Я в это мгновение переживал весь спектр эмоций от ужаса до шока, почему именно я? Задавался я вопросом. Почему не любого другого человека на планете, почему именно пермяка? А пока думал, органы чувств били тревогу. С каждой секундой всё вокруг становилось невыносимо ярко, громко, жарко. Лишь глаза попривыкли к свету, морщась и жмурясь, я на мгновение, смог разглядеть силуэт. Узнав в нем Нафана, я не взирая на трудности, сразу же устремился к нему. На, что тот отреагировал резко отрицательно. Но я всё продолжал бежать. Вся моя одежда начала дымиться, а после и вся кожа. Было уже не жарко, а обжигательно-горячо. У всего бывает предел, поэтому я отвернулся от света и сжал зубы, через боль, стараясь дойти. Если бы слезы сразу не испарялись, то сторонний наблюдатель увидел бы как я реву от невероятной боли, но сквозь это и слабо уловимые звуки шкварчания моей собственной плоти я продолжал свой путь. Пока существо, в котором я узнал Нафана, окончательно не разгневалось и не сказало «Хватит».

Это слово сработало, и я замер, не в силах пошевелиться.

Я не мог больше идти. Пространство стало вязким, и тягучим. Движение какое-то было, но трудно поддаваемое. Поэтому все силы я направил в руку, чтобы хотя бы попытаться дотянуться. Я осознавал, что меня, это погубит, эти чувства надвигающейся беды и скоропостижной гибели именно они и вынуждали меня продолжить. Мне нужно было прикоснуться, я должен был знать, что это все реально, что Бог и вправду существует. И коли я умру то с чувством выполненного долга. А времени оставалось совсем мало. Я выставил указательный палец, но уткнулся в пустоту, мои мысли были, скажем, так не позитивные, «это конец», но тут же, почувствовал на самом кончике пальца, мимолётный холодок, который мгновенно распространился по всему моему телу. Мне больше ничего не угрожало, я был в полной безопасности. Я всё горел, но не сгорал.

Клюв орла.

Я проснулся лёжа на спине, но глаза открыл, только когда стало не по себе от мыслей, что пришли в голову, и всё из-за тишины. Если лежать на спине ещё терпимо, то тишина просто дьявол во плоти, и снотворным для меня никогда не была. Я привык спать под шум. Шум мотора холодильной машины, и шум мотора проезжающих машин, в особенности шум собственного мотора, когда кровь давит на перепонки, вполне себе успокаивает.

Сон это же маленькая смерть. Для меня всегда было важно знать, что мой мир никуда от меня не делся. А как же я узнаю, жив ли я, если вокруг гробовая тишина. Что только люди не используют, чтобы связать сон с внешним миром, моя мама вот, к примеру, любит засыпать под стук колёс, железнодорожной машины, не говорю поезд или локомотив, только потому, что «машина» звучит куда сильнее.

И домашних животных с их ночными поползновениями люди берут, и во время дождя окно открывают, и телевизор, радио с их белым шумом на пустой канал переключают. А если говорить о не пустых каналах теле- и радио-бубнёжа, то он не так хорош, так как управляет сном, влияя на половину сюжета, остальной (зрительный) сюжет при этом никак не состыкуется. Поэтому я советую если и засыпать под бубнёж то только иноязычный, даже знакомый язык подойдёт, глав-

ное что не родной.

А я пытался и под сериал любимый, уснуть. Под Доктора Хауса сериал о гениально враче с комплексом бога, который каждую серию решал судьбы людей с самыми неожиданными болезнями. Вот я и открыл глаза, когда в тиши вспомнил об ожогах. «А смог бы Хаус спасти меня, если бы это был не сон». Не знаю, даже сколько раз я пересматривал, поэтому с уверенностью могу сказать, что Хаус не смог бы. Настолько раны во сне казались серьёзными.

И тогда я поднял руку, чтобы взглянуть на неё, она была ближе всего к источнику огня. Но тут же заинтересовался странными объекта нависавшими надомной, выглядели они необычно будто внеземные и напоминали коконы существ, из фантастических фильмов, в которых в обязательном порядке должен вылупиться склизкий и отвратительный монстр. Неужели меня похитили пришельцы? Пронеслась мысль в голове. Эти коконы были невообразимо красивы и светились разными красками, а из-за шарообразности, нужно было скорее их назвать капсулами. Разобрать, правда, что именно у них внутри, не было возможности, их оболочка достаточно мутная, будто запотевшая. Но всё же эта замкнутость не мешала разобраться в том, что внутренности у всех коконов разные и монстрами их никак не назвать.

После того как я тщательно, будучи всё так же на спине, рассмотрел все восемь коконов, половина из которых видна лишь частично. Я заметил, что открытое небо, будучи цен-

тром волшебства, чернейшей, что я видел, будто я вглядывался в бездну, ни одной звёздочки на нём было не видать, и ни одного облачка не освещалось луной. Это меня очень испугало. А я ведь раньше любил под звёздным небом качаться на качели как можно выше, чтобы всё тело трепетало от ощущения, что я падаю в бесконечность космоса. И всегда думал насколько же, это будет страшно посмотреть на звёзды без освещённых улиц, в полную силу. Можно сказать, что я немного натренирован, к такому виду, но здесь-то звёзд наоборот меньше, я то думал, чем больше, тем страшней. Но нет, я тут же встал, чтобы небо так не давило сверху. И направил взор вниз. Скрываясь от взгляда бездны, я увидел, что замарался. Но картина под ногами, была куда интригующе, чем какое-то пятно на ноге.

Оказалось, что подо мной был и вправду кокон. Внутри него был мотылёк светящийся чистым белым светом. Он как будто застрял между двумя окнами, и безрезультатно, мельтешил крыльями, в надежде выпорхнуть на волю. А мотылёк настолько был большой, что я аж подумал, что это голограмма, но тут пришёл к выводу, что наши земные технологии были не способны на такую красоту. Мотылёк будто заглянул, а его свечение то загоралось то гасло и у меня появился сиюминутный порыв – взять да и выпустить, это бедное создание. Я почему, то посчитал, что мотыльку не хватает кислорода. Опустился обратно на пол и ощупывал оболочку руками в надежде найти стыки, может есть, какая крыш-

ка или дверца думал я. Как подумал таки раскатистым громом, некто очень грозный, категорически запретил, что-либо предпринимать, от чего я чуть не оглох, тем самым этот некто разрушил гробовую тишину, царившую всё это время. Я опешил, но всё равно хотел открыть, как я тогда думал аквариум. Некто повторил.

– Я сказал: не трожь! – сказал он всё так же громко, но уши уже не болели, – Клюв ещё не вырос.

– А я чай не птица, бабочками питаться. Человек, а человеку присуще чувство справедливости, зачем запер мотылька.

– Это не мотылёк, а ты зато, по-моему, стервятник, раз подумал, что можешь распоряжаться чужой смертью.

– А кто-то умирает?

– Ну, ты совсем, что ли? А зачем «освобождать» если никто не в опасности? Смотришь, и не видишь. Приглядишься к крыльям повнимательней – сказал некто с нотками заносчивости в голосе – может, что и разглядишь.

Не успел я с проссони понять, где нахожусь, а меня давай уму разуму учить. Подумал я, но всё же пригляделся. Мотылёк как-то странно махал крыльями. Тогда я и увидел, что нет никакого мотылька, что это иллюзия. Просто «крылья» так быстро махали, что я не успевал разглядеть, то, как они появляются, и исчезают. Но странно не это, а то, что когда есть одно крыло, не было другого.

Некто объяснил мне, что это значит, в то время как я вни-

мательно слушал, стоя на четвереньках, не отрывал я взгляд от «мотылька».

– Это никакое не насекомое, как ты мог подумать – спокойным тоном произнёс некто.

– Я подумал это голограмма – сказал я, как бы показывая, что я умнее.

– Не важно – оборвал некто, доказывая, что я глупее, – на самом деле это вселенная.

– И что, прямо вся? – сказал я недоверчиво и отвернул голову в сторону, как бы в никуда. Но в поисках кого-то.

Никого, конечно, не было, был некто. Некто скрытный. Повествующий ужасные известия (в страхе перед человеческими эмоциями) напрямик из-за укрытия. А ведь каждый врач порой обязан лично и больному и его близким, пошатнуть мир, и разрушить какие-либо планы на будущее.

– Не то, чтобы прямо вся, но для тебя это целый мир, – сказал он, намекая.

– Не понял – отрицал я всеми силами, даже не неизбежное, а неизбегшее. То, что я не избежал, так сказать.

– Это твоя вселенная – сказал некто, прямо – Там твой дом и он на грани обрушения.

– То есть как? – Не мог я до сих пор поверить его словам. Поэтому он рассказал куда поподробнее, чтобы я всё уяснил.

– Это не крылья мотылька, это материя, которая, так же как и погода имеет цикличность в своём существовании. Из сингулярности она на огромной скорости, кварками вылетает,

и превращается из адронов в лептоны, а из лептонов через нуклеосинтез в привычную для тебя, материю. Вот что такое твой мотылёк, одна пыльца чего стоит.

– Ты хочешь сказать, что я сейчас наблюдаю большие взрывы.

– Именно.

– Тогда почему два крыла, а не один.

– Потому, что мир твой дуальный, у всего есть полярность. Второе же крыло это не просто материя, а антиматерия, которая по своей сути имеет обратную направленность времени, но из-за своего рода «отрицательности», отличается лишь, своим отзеркаливанием материи. Кто из них кто уже другой вопрос. Главное то, что они в постоянной борьбе: самоуничтожают друг друга. Один взмах равен одному циклу, пока не происходит ещё один и ещё один взмах. Так перезагружается мир. А как ты видишь мотылёк, начал как то слишком быстро махать крыльями, и при этом абсолютно не синхронно.

– И... и что это значит? – запнулся я от ужаса.

– Это значит, он вышел из равновесия. Мир твой перезагружается всё чаще, а живые существа погибают всё раньше, отрезая возможность появиться разумной жизни, – истомлено произнёс некто, желая сбросить накопившийся стресс.

– Так делай, что-нибудь с этим?

– А что тут поделать? Всё что было возможным я сделал. – уже спокойно ответил некто. – Спас тебя вот.

– А остальные, что? – озлобленно спросил я, – не нужны?

– Времени у меня особо не было, вообще-то, да и выбора как такого. А можно спасти только одного.

– Маск.

– Что тут делать бизнесменам.

– Нил Деграсс Тайсон?

– А ты видишь звёзды? Он же астроном.

– А зачем выбирать, можно же спасти всех.

– Я что Бог, по-твоему. Как мне это сделать?

– А что не Бог?

– Нет.

– Значит точно прише... – хотел я было договорить, как вдруг, мир, а вместе с ним и моя планета земля ушла у меня из под ног.

Я тут же провалился и ударился о вселенную уровнем ниже. Отпружинил. Коконь эти довольно таки мягкие.

– Что случилось?

– Время твоего мира истекло, можно сказать вытекло. Все умерли.

– Даже мама? – не мог я поверь, что всё так просто сгинуло.

– Да.

Он так кратко и сухо сказал, я аж всплакнул. А кто бы, не всплакнул? Разве, что Паша. Мама так часто говорила, что хочет умереть, что можно было уже давно смириться, раз она сама смерилась. Но у меня как-то не получалось, даже зная,

что у неё смысл жизни осуществлён.

– И в чём же смысл жизни? – сказал некто, вмешиваясь в мои мысли.

– Тебе на кой чёрт это надо? – сказал я, вытирая мокрые от слёз глаза.

– Сколько живу, на этом свете, и на других, всё, ищу ответ.

– Тогда тебя, её ответ не устроит: высидеть яйца. А теперь помолчи, и дай мне погрустить о своём родном гнёздышке.

Корова аудумла.

Как только, оклемался, первая же мысль: как теперь жить? Вот уж теперь точно, никаких перспектив на будущее. Надеюсь это шутка, а не глумление. Благо, что никто не осудит за кощунство и какое-то не подобающее отношение к усопшим. «Благо» ну я и кретин.

Нужно подняться, оглядеться и может, что и придумается. Доверять крестину не стоит, но и какому-то хрену с горы, тоже. Я ведь из-за него оказался здесь. А похищение инопланетянами, ничем хорошим в фильмах не заканчивалось. Нужно выбирать.

Но теперь я был ниже на уровень, так как провалился, и выбраться не так-то просто. Каждый кокон касался друг друга лишь слегка, будто атом к атому, поэтому опереться рукой не представлялось возможным, что не сказать о ногах, но думается и ботинки зажевало бы, так же как и руку.

Другой способ опереться на две стены моей импровизированной тюрьмы. Но здесь возникают трудности с моим ростом. Был бы я повыше, может и дотянулся бы до второго этажа, а так только встать на один и смог. А это же окружность вот и получается, что до следующей «стены» только на цыпочках. В такой позе вряд ли, что получится. Но я попытался ногами опереться. Но нога соскользнула и я упал.

Зато до меня дошло. Что можно допрыгнуть до верха, как

на батуте. Два раза падал на кокон и оба раза высоко отскакивал. И почему до меня сразу не дошло, что можно просто прыгнуть.

Три прыжка и я уже был наверху. Оставалось лишь не сойти сума.

Уму не постижим вид, который открывался передо мной, в то мгновение отбросил у меня какие либо сомнения насчёт правдивости смерти моей вселенной.

Тысячи, миллионы, миллиарды, триллионы вселенных. Как на ладони. Выстраивались в кучу мерцающих драгоценностей самых разных форм. Они простирались на необъятное расстояние, бесконечные каньоны, горы, конца края им не было видно, а ведь голубая дымка присущая атмосфере земли не ухудшала видимость, я точно не на земле.

Такой вид, лучше любого монастыря вызывал во мне религиозные чувства, ведь монастыри строят люди, но руками ли бога? Такое одухотворение, какое я тогда испытал, ни одна высота крыши храма, не одна эпичность музыки органа, и ни одна мелодичность молитвенного эха, не проникнула бы мне в сердце, настолько сильно. Я будто бы попал на небеса без свидетельства о смерти. Безбилетный проезд на лодке Харона через реку Стикс, прошёл без моего ведома, но я так понимал оплатить долг мне ещё предстояло.

– Чернящее небо я так понимаю это Стикс? – Спросил я своего похитителя.

– Это ничто – прозвучал голос у меня прямо за спиной.

Я повернулся и обомлел пуще прежнего. Гигантского размера великан, состоявший из огня всех цветов радуги, шёл сквозь темноту, оставляя за собой, шлейф огненных, мерцающих, искр, которые осыпались с него, не переставая. Падая они гасли, и тут же вспыхивали. Это были вселенные. И в отличие, от моей вселенной, приземлившись, на что-то они мерцали всё реже. Если для меня вселенные были целыми глыбами, то для этого некто большого, они были всего лишь искорками, горящими песчинками, да и то стёртых в пыль. Также он превосходил вселенные и по яркости. А я своей тусклостью и заурядностью, как бельмо на глазу или пятно на солнце, чужеродный объект, хоть и часть его.

Для меня и солнце бесконечно большое, а для него и сто солнц бесконечно мало. Кто если не Бог может быть таким огромным, кто если не Бог может спасти от любой стихии и втащить за границу мироздания. В мульти-вселенную. В мир так называемых пузырей, как говорил Нафан. Мир, созданный Богом.

Я даже и не знаю, что меня тогда больше пугало, греческая река смерти или скандинавский великан Сурт, что по приданию «переправит» по этой реке всех, обрубив мировое дерево на корню. Обрубив правда не куда будет, переплавлять и не кому. Но я тогда понял, что никакой он не злодей и никого уничтожать он не намерен (хоть я и боялся быть раздавленным). А даже наоборот создаёт. Вот только это не оправдывает, его бездействия, с такими то силами.

– Только попробуй, опять сказать, что ты не Бог. Ты не ответил, ни на одну молитву в мире, большую и маленькую, или успех на экзамене, и даже когда происходит катастрофа мирового масштаба, ты стоишь, сложа руки, выдумывая оправдания.

– Я не Бог и я не стою, а иду.

– Очень смешно. Что, если Бог, то и издёвки божественной величины?

– Да, я не Бог, сколько ещё раз повторить? Я тут из всех сил стараюсь никого случайно не раздавить, у меня нет времени на волшебство. Если бы я был богом, давно бы уже остановился, отдохнул и не боялся бы совершить ещё один геноцид. Ты вообще представляешь, как много живых организмов, в одной вселенной.

– Тебе виднее, ты же их создаёшь.

– Ты думаешь, раз я их создаю, то я создаю и всё остальное? Да они случайным образом выходят, я слишком горячий и такое чувство нагреваю ничто и она уже создаёт.

– А ты видел себя вообще? Я такого слово даже не знаю, что бы описать... и «огромный» то не подойдёт. Как бы ты меня не раздавил, видно хоть что внизу оттуда?

– Пока ты на светлой стороне, не наступлю – сказал он двусмысленно.

– То есть не видишь? Мне вот, чтобы с тобой говорить, а не с твоими ногами, приходится перпендикулярно к земле вверх смотреть, и как я только не увидел тебя пока на спине

лежал. Это ж страх какой, быть раздавленным, и ощущать при этом свою ничтожность, перед, чем-то большим.

– Меняться ролями, парюю надо.

– То есть и ты был, когда таким же маленьким, как и я – недоверчиво спросил я.

– И это тоже, но я был даже меньше.

– Да ладно, хорош заливать-то.

– Я серьёзно. Иди поближе, чтобы я на атмосферу не тра- тил силы, расскажу.

Минуту в недоумении я понял, о чём шла речь. Он когда впервые со мной заговорил, пустил атмосферу, и именно она ударилась о мои перепонки.

– А это мне какой путь нужно выбрать, – спросил я, желая узнать, как спуститься с горы.

– Такой же, что и у меня путь, в никуда – ответил он, думая о совсем другом.

Вот и вышло, что некто, через ничто, шёл в никуда. А я всё пытался дать этому всему название, не зная. Пока спускался, думал о скандинавской корове мироздания, что слизывала, с булыжников иней и от этого создавались миры. Хотя в моём случае коровой было ничто, а булыжником великан.

Можно ли считать в таком случае великана Богом, я не знаю, но что я знаю, так это то, что было бы очень глупо, если бы великан был булыжником. Потому что с великана сыпалось отовсюду, а это могло лишь значить только то что, корова булыжник проглотила. И мы в её желудке. Но в каком

из четырёх?

Путь в никуда.

Жизнь это и есть тот самый путь в никуда, да и откуда ты пришёл не так понятно, как может показаться на первый взгляд. То ли из другого мира, то ли, всего лишь, из другого объекта. И из мира так никуда и не уходил. И чем дольше идёшь, тем скорее забываешь, откуда ты, да и куда. В жизни так, часто бывает, что цели и планы прошлого становятся не актуальными в будущем, что в пору, да и задуматься хорошенько нужно: верное ли направление выбрано. В моём случае, вполне верное.

Путь пролегал, через каньон, который отделял меня от великана достаточно сильно. Каньон был такого масштаба, что и в мыслях не было сравнивать с каньонами планет солнечной системы, но в тоже время достаточно маленький, если сравнивать с великаном. Я старался держать курс прямо, при этом немного перед великаном, так чтобы предвосхитить его положения в пространстве. Это и вправду был путь в никуда.

Великан шёл, как раз со стороны конца края вселенных, расширяя великую песочницу с её боков. Я так, подозревал, что идти придётся не один день. Но я заблуждался. Потому что великан сказал, мне поторопиться, и добавил, «волна не будет, ждать». Я повернулся, и как только увидел глыбы, каляющиеся на меня, тут же ускорился, и бежал, перескакивая от одной вселенной к другой, порой даже дивился формами,

но всё же не успевал обдумать их значение, потому что мысли были заняты другим: каким это образом песок мог вдруг действовать как вода? А один раз проскользнула даже очень глупая мысль: Я Магомед, раз на меня движется гора.

– Не стесняйся и беги из-за всех сил, – проговорил великан, – волна уже подступает к тебе, вряд ли я смогу вытащить тебя из-под завала.

И я побежал, пуще прежнего, никогда так быстро не бежал. До этого как будто бежал привыкшим к земной скорости, я думал это мой предел, а на земле нужно было и энергию экономить. А здесь меня будто ничто не тормозило. Не то чтобы гравитация или атмосфера исчезла, а само пространство, больше не ограничивало. Было легко бежать настолько, что я смог перескакивать даже по пятьдесят глыб за раз они как бы сужались и с моей точки обзора выглядели как неоновые лампы.

Позже я примерно посчитал и пришёл к выводу, что моя скорость достигала тысячу километров в час. И я не устал.

Волна уже отстала давным-давно, а я всё бежал и вроде бы бежал в правильном направлении, потому, что рассчитал правильно, место встречи. Подступая к холму, я замедлился, так как великан был уже совсем, а я не такой уж и храбрец, как я уже говорил.

Представьте себя великан и так огромный, так ещё поднимаясь к нему и приближаясь, он становился ещё больше, во всяком случае, мне так казалось. А страх у меня не убавлял-

ся, чем ближе, тем страшнее. Я нашёл тропинку из глыб, по которой можно было без лишних прыжков очень гладенько пройти вверх, поэтому и тревожность нарастала равномерно, и ноги подкашивались стремительно, а я не уставал, повторюсь. Просто ощущать себя столь маленьким и беззащитным мне не доводилось никогда в жизни. Целых три варианта смерти: наступит, упадёт и уронит. Глыбы уже роняет, да и наступить ему не составит труда, и зачем я только к нему подхожу, думал я про себя. Но поднявшись до самого верха, я убедился, что «ничто» гораздо страшнее чего-то, даже чего-то огромного.

Великан наступал буквально ни на что, и не проваливался, а я стоял неподвижно, как вкопанный видимо сработал инстинкт выживания: бей, беги или умри, в смысле замри. И я замер, от того что почти весь мой взор заполнила гнетущая темнота, которую слава богу великан загородил собой от меня. Достаточно было одной ступни, чтобы защитить меня от тьмы.

– Ты мне доверяешь? – спросил великан, и опустил правую руку с выставленным указательным пальцем до моего уровня, как бы приглашая взобраться на него.

«Прям, как птичке» подумал я. Ответил:

– Нет.

И стремглав побежал по чёрному морю, не смотря ни вниз, ни назад. Оставляя позади былые дни, но пронеся с собой память о них.

Трудно, я, было, подумал, взобраться на палец, который в десять раз больше, как тут же до меня доходит, что великан предлагает залезть на ноготь. Если бы великан предложил залезть на левую руку, вряд ли я бы так сразу понял, что от меня требуется. А так я успел на свой рейс, взошёл на очень странный трап, в котором, чтобы не свалиться, нужно держаться за потолок, и занял своё место в ямке левой ключицы, из которой открывался невероятный вид на иньяно-образный мир.

– Тебе не страшно? – спросил я, усевшись поудобнее, – ходить по воздуху.

– Это не воздух, это ничто.

– Так я это и имел в виду. В моём мире так выражаются.

– Да понял я, просто такое выражение означает, что есть воздух, а я подразумевал, что нет вообще ничего.

– Но как же ты ходишь по пустоте.

– Это не пустота...

– Да понял я, – оборвал я, передразнивая, – просто «ходить по ничему» звучит странно.

– Не могу, не согласится, но хочу заметить, что странность названия полностью подходит обстоятельству.

– Но как тогда?

– Всё очень просто. Если вкратце, то «ничто» не смешивается с «нечто». И мы будучи зажатыми между двух жидкостей, на границе ни тонем, ни всплываем.

– А бежал я, тогда как? И прыгал высоко...

– Галки-мигалки, зачем так много вопросов. Я на время сместил границу, чуть выше, чтобы тебе было проще. Те же волны чуть не накрыли тебя с головой, потому что вселенные из сыпучего состояния перешли в жидкое.

– То есть, как перешли, в смысле намокли?

– В смысле превратились. – Закончил было Великан Харон, но почувствовав моё недоумение, добавил, – это как с водой, вроде водород и так жидкий, но чтобы он стал ещё более сыпучим, то есть жидким, нужно добавить кислород, более скользкий элемент. Так и в песок достаточно поддуть снизу воздуха, чтобы он стал жидким.

– Красиво выдумываешь, я тебе может быть даже и поверил бы, если бы не был каким не каким, но химиком. Водорода два и даже вдвоём они меньше, чем кислород.

– И что.

– А то, что сыпучей будет то вещество, что куда меньшего размера и более круглой формы, поэтому водород без кислорода, куда жиже.

– Ты прав. Вот только ты забыл сказать, что водород, скорее газ, чем жидкость, потому что очень быстро испаряется. Вода же, благодаря электроотрицательности кислорода, имеет помимо ковалентной связи ещё и водородную. Водородная же связь и сдерживает молекулы от полёта. Вот и выходит так, что соединяется не только вещество в молекулы, но и молекулы в жидкость.

– Этого я не знал. К чему ты ведёшь?

– Да вон к чему, – сказал Харон и мотнул головой влево.

Я выбрался из ключицы, поднялся на самую вышину плеча, и увидел то, что происходит с вселенными после их падения. Мигая, они сближались друг, с другом разделяясь на кучки, а затем и кучки тянулись друг, к другу разделяясь на горки, и всё это одновременно с притяжением к пустыне мультивселенных.

– Я такое видел сыпая соль на подсолнечное масло, – сказал я, – И пена в ванне также себя ведёт.

– Всё потому, что «ничто» жидкость, ты ходил по жидкости, дважды. По нечто мерцающему и по ничему.

Детство великана.

– И что, – спросил я великана, – как давно ты такой большой?

– С тех самых, как сюда попал. Веришь или нет, но я был таким же человеком, как и ты. Называли мы себя, правда, не людьми, но здесь наверно сыграл другой язык, чем другое древо эволюции или другая вселенная. Мы всё также были высшей ветвью эволюции и по умственному развитию, не уступали животным. Но в то же время не сильно так их перегоняли.

Мир был поделён надвое. На планете, было два солнца. Одно чуть жарче другого. И лишь один объект, дарил ночи. К сожалению, я так и не увидел надвигающуюся ночь. За ней и за зимой приходилось ездить самому. Никто не мог поверить, но луна, навсегда загородила одно из солнц, превратив жаркие страны тем самым в холодные. Неожиданно предсказания древних цивилизаций начали сбываться.

Моему народу развязали войну. Но, это скорее был геноцид, чем война. Убивали всех и взрослых, и детей. Моих родителей убили, а я мог сгинуть вместе с ними. Но мне помогла выжить одна особенность при рождении.

Дело в том, что жители на одной стороне земли всю жизнь жили под слабым освещением, а на другой с более ярким. И те, и другие отличались друг от друга лишь глазами. Одни

были с широкими, как луна зрачками.

Другие же, с узкими зрачками, как у демонов, потому что боятся солнечных лучей. Такая была пропаганда в стране. Поэтому мне могло и не повезти с моей мутацией, в школе все дети бы надо мной смеялись. И кто знает, какой бы из меня вышел, человек.

Но мне повезло, если это можно так назвать. После смерти родителей я был отдан в семью убийц, которые после убийств поселились в моём доме. А я был совсем маленьким и ничего из этого не помнил. Быть своим среди чужих, вполне нормально, если ты не знаешь, что чужой. Если ты не знаешь шокирующей правды.

А мне в детстве то и дело рассказывали одну и ту же басню, как «наш» храбрый народ отчистил землю от всякой нечисти, от этих нелюдей... от моих людей. «Это из-за них луна заслонила от нас дары солнца, это из-за них урожай перестал расти, а после и погрузился в вечную мерзлоту».

Лишь одна женщина знала правду о моём происхождении. Единственный человек, кого тяготило чувство вины за всё, что произошло. Лично так и не смогла сказать мне правду. Не выдержала и, повесилась. В прощальном письме рассказала всё, что мне следовало знать, о том, что на самом деле произошло и о том, как сильно она сожалеет, что не смогла ничего предпринять, чтобы спасти моих родителей. Это, пожалуй, единственный суицид на моей памяти, что смог повлиять на чужое сознание и произвести желаемый эффект.

Вряд ли бы я поверил ей на слово, а так не было никаких скрытых причин или материальной выгоды. Мёртвые не рассказывают сказки. Вот и я решил никому не рассказывать и спрятал записку под половиком.

– И что же, ты чувствовал? Возненавидел своих предков?

– Трудновато возненавидеть того кого ты всю свою жизнь считал мамой и папой, даже не смотря на проступки ты все равно чувствуешь долг перед ними. Поэтому я начал ненавидеть себя за то, что не смог ненавидеть их. И бога за то, что произошло, ведь если бы он существовал, он бы этого не допустил, ведь, правда?

– Опять смеёшься, почему ты смог спасти меня, но не смог спасти мир.

– Я не настолько могуществен, как ты думаешь. Мои силы конечны. Я наполовину уменьшился, когда тратил энергию только на одного тебя. И до сих пор трачу. На атомы твоего тела. Они просто не способны существовать в этом мире и мне приходится искусственно поддерживать их в устойчивом положении.

– А как ты тогда...

– Всему своё время.

– И сколько на это его уйдёт.

– Не переживай, у нас есть время всего мира и даже не одного. Сказал он и продолжил.

После похорон я пришёл к родителям за разъяснениями, но желаемого так и не получил. Они никогда не жалели о

случившемся, и были как и обычно только рады. А я надеялся, что они просто сильно боятся правительства и его диктаторского режима вот и вторят повесточке. Но нет.

Я понял, что моя жизнь это ложь, и пустился в бега. То к чему готовили меня родители – моим никогда не было.

* * *

В поиске своего пути и своего предназначения, пройдя не малый путь, я очутился в меридиане, между тьмой и светом. Всю дорогу я задавался вопросом, почему мир так не справедлив, и в чем мой смысл жизни. И я бы пошёл дальше, вглубь мира льда и тьмы. Если бы меня не остановил один мудрец и не сказал, что мне нужно остановиться. И перестать спешить.

Судя по рукам – это был старик. По лицу же мало что было ясно, его скрывала зелёная шляпа из стеблей пажерни, сок корня которого имел солоноватый вкус и произрастал лишь в районах усиленного солнечного излучения. Поэтому я никак не мог уразуметь, от чего шляпа уже давно не стала соломенной.

– Дед, а ты где такую шляпку взял, спросил я.

– Сам сделал.

– Это как?

– Плести дело не хитрое, научить?

– Да я не об этом, да и зачем, я про растение, откуда оно

у тебя.

– Да вот, сохранил пару зёрен.

– Это всё равно ничего не объясняет, как они без света то выжили?

– Пойдём, покажу.

Будучи сильно заинтригован, я последовал за ним. И не успел я опомниться, как уже стоял над сотнями пустых грядок. Лишь парочка из них довольствовалась соседством с па-жерною в их рядах. Должно быть, он уже собрал весь урожай, подумал я. Но куда он его дел? Не успел я спросить, как он говорит.

Это всё что выросло, правда, не считая шляпы, сказал он. Остальные же погибли без света.

И в правду. Приглядевшись, я увидел, что пустые грядки все усыпаны увядшими растениями. С первого взгляда не так заметно, солома пажерни отлично сливается с землёй.

– Как же остальные выжили?

– Ты видел когда-нибудь снег?

– Да вот собирался пока тебя не встретил.

– В общем, он состоит из маленьких льдинок самых разнообразных форм. Таким его сделал бог, как и всё на свете. Вот и семена не обошёл стороной. Некоторые из них высохли бы под сильным солнцем, но здесь они чувствуют себя как дома. То, что выросло правда, вряд ли хватит на двоих.

– Если ещё остались семена, я могу тебе помочь. Вскопаю ещё грядок или выполю «сорняки» из прежних.

– Парочка ещё есть, но я думаю оставить их до лучших времён.

– Это, до каких?

– До таких, когда вернутся солнечные дни и ночи, тёмные. Эти семена любят солнце – не стоит им рождаться и умирать без него. Понимаешь? Да и не растут они быстро. Поэтому лучше дожидаться семян от этой пажерни, по логике из неё вырастут такие же полулунные растения. Если хочешь остаться, и увидеть всё собственными глазами радости прощу.

– А разве мы не умрём от голода, если я останусь?

– Ты о чём.

– Сам сказал «не хватит на двоих».

– Ах, это. Да не. Я имел в виду, шляп не хватит на двоих, хотел себе ещё одну сплести. Еды полно.

* * *

– Вот откуда у меня такой юмор, понимаешь? Всё в мире взаимосвязано и частенько повторяется. И каждый учитель был учеником. А я роль учителя давненько уже отодвигал на потом. И думаю, пришло время. Не то чтобы у меня был выбор. Вот уже на протяжении вечности я сею здесь семена вселенных. Чтобы кто-нибудь точно, так же как я, преодолел пространственно-временной барьер и вышел за пределы вселенной.

– И не только это. Я заметил, что ты и здесь в меридиане тьмы и света. Не слишком ли много совпадений. Создаётся впечатление, будто кто-то просто играет с тобой, со мной. Со всеми нами.

– Справедливо, я всё ищу смысл. Создаю целые миры, познаю их, надеюсь на них, но до сих пор не могу понять, зачем и почему. Чтобы появился ещё один негодующий и потерянный, как я? Хотя по правде говоря, было одиноко, даже слишком. Ты вот, к примеру, не смог выдержать столь сильной социальной изоляции, а ведь и толики моего опыта не прожил. Сошёл с ума.

– Это когда такое было? Я бывало, конечно, и месяцами из дома не выходил, но чтобы прям, сходить с ума... не припоминаю. – И я уставился, на один из пузырей натужно стараясь, что-то вспомнить, что уже вспомнить и не могу. А чтобы я забыл, великан продолжил.

* * *

Каждый день я то и дело следил за тем, чтобы галки-мигалки не клевали наш посев. А старику было, почему то наплевать. Наплевать на то, что та горстка, что осталась, могла и вовсе пропасть. Им явно нужен был кто-то величественный. Перед фигурой которого, они бы содрогались от ужаса. Вот я их и отпугивал. Круглосуточно сторожить для меня было не тяжело. Да и чувствовал я себя в порядке. Хотелось

поскорее собрать семена для следующего этапа. Но добрых слов за моё усердие я так и не получил. Лишь уговоры ослабится, хоть на минуту. А я всё не останавливался. Старик как-никак обещал, что если семена останутся, можно будет наблюдать поистине настоящую магию.

И вот когда урожай созрел, старик собрал все семена, и каждые из трёх растений высыпал в отдельный мешок. В этот же день мы испробовали сок корней и каждый, опять-таки, по отдельности. На проверку оказалось, что из трёх корней, лишь один был солоноватым, остальные же были просто пресными и безвкусными.

– С таким же успехом мы могли бы просто попить воды.

– Понимаю тебя, но к счастью, теперь мы знаем, какие именно семена следует садить, а какие следует отдать на корм птицам и не тратить на них время и силы.

– А я пойду, посажу и буду тратить, раз ты не хочешь.

После таких слов он замолчал. И в тихой обстановке также молча помогал садить вместе со мной. И я уж было подумал он останется, чтобы также вместе помогать отпугивать. Но я ошибся. Он ушёл, сказав идти вместе с ним, я ответил, что не пойду.

Некоторое время спустя он вернулся с палкой, на которую накинул одежду, расцветкой похожей на мою.

– Пусть это чучело отпугивает за тебя, а тебе нужен отдых, – сказал он, воткнув конец палки в землю, – иди за мной. И прошу без лишних вопросов.

С долей сомнения, что этот истукан сможет кого-то отпугнуть при условии, что никак не двигается, я всё же последовал за стариком. И также продолжил выполнять его указания. Он сказал сесть – я сел. Он сказал закрыть глаза – я закрыл. Он сказал сделать глубокий вдох и выдох, и я вздохнул. Сразу после мне хотелось открыть глаза. Но он сказал не открывать. Тогда я решил подвигать руками, тогда он и это запретил. И я воспользовался ногами, и двигал пальцами ног, что было видно через обувь. У меня не было сил успокоиться, а у него сил успокоить.

– Ты сам с собой не в ладах, одна часть тебя, слушается, другая нет. Спроси себя, почему одна из них не хочет отдыхать.

Ответ был прост: я хотел себя наказать, изматывая себя. Наказать за то, что мне было не подвластно.

– Тогда скажи, когда ты сюда шёл ты хоть раз останавливался на ночлег?

– Нет, а что это?

– Это когда ночью ложатся, спать. Ты же знаешь, что такое ночь?

– Ну да, это брошенная страна противоположность, нашей, проговорился я.

– Вашей?

– Я в смысле родился после катастрофы и никогда не видел страны предков, соврал я впопыхах.

– Ясно. Ну, так знай, раньше были ночи, да очень корот-

кие, но всё же люди успевали за это время отдохнуть. И вообще весь животный мир миллионы лет развивался именно с такими ночами. И ты не исключение изменения не происходят за один раз. Поэтому, не подчиняясь законом природы, ты наносил своему организму непоправимый ущерб.

– Этого я и добивался.

– Не соглашусь. Тебя терроризирует тёмная часть души, и она от этого террора получает одно удовольствие. Угнетает тело. А телесная боль не такая уж и сильная по сравнению с болью душевной. Поэтому я считаю тебе срочно нужно прекратить изматывать себя физически. И опомниться не успеешь, как начнёт цапаться сама с собой душа, причиняя гораздо большую боль. Понимаешь?

– Вроде.

– Ну, так вот, для этого тебе нужно прекратить малейшее, подконтрольное движение. Но постепенно. С начала ты остановил руки, теперь давай ноги. Хорошо. Затем останови мельтешение глаз. В таком сидячем положении твои мышцы держат спину, расслабь и их.

Я расслабил и плавно приземлился на спину.

– Твоё лицо помрачнело – это значит, рекомендации начали действовать. Но не поддавайся, терпи и не возвращай движения вспять. Расслабь брови и всё лицо. Сделай глубокий вдох и выдох.

Впервые в жизни я уснул и также впервые мне приснился сон. Старик как, оказалось, был прав душевная боль куда

больнее. Во время сна во мне бурлили негативные эмоции. Но, даже не смотря на правду, он меня обманул. Ведь после пробуждение меня не тревожила ни боль в теле, ни боль на душе.

И я перестал спешить ведь это то, чего он так добивался. В том числе и посев пажерни. Я не торопился и самого старика не подгонял. А ведь всё проспал, но проснулся как раз к сбору.

Как мне потом сказал старик, я проспал, где-то с месяц и на его удивление, когда он пытался всеми силами, разбудить меня – обнаружил, что во время сна у меня зрачки расширены. Только, когда он это обнаружил, понял, что нужно сделать, чтобы меня разбудить. Нужен был яркий свет. И вот развернув меня к светилу, он пронаблюдал моё пробуждение и сужение зрачков. Встретил он меня со словами: в следующий раз я научу тебя спать, сколько требует душа, а не тело. Ведь тело сам понимаешь легко заменяемо, а душа нет. На этих не понятных мне словах, мы и приступили к сбору.

Выросло чуть больше, чем в прошлый раз и это не могло не радовать. Быстро собрав, что было, мы отправились вновь дегустировать. Но на этот раз отобрали лишь парочку. Чтобы не закончилось всё разом. Из тех, что взяли, оказались на удивление, такими же, как и их прародитель. Ничего не поменялось, магии не произошло.

– Минусов нет, – сказал старик – продовольствие прибавилось, ты очнулся.

– А что стало с галками-мигалками? – спросил я, вспомнив об их существовании, – ни галок, ни пугало я не видел.

– А ты заметил, что стало теплее? – ответил старик, – птицы просто улетели в более комфортные для себя условия, прибавилось четверть градуса, а они улетают – неженки.

– Я так ведь и не узнал, сработало ли пугало?

– Ну конечно, сработало. А как иначе. Оно же было вылитый ты. Ты так неистово размахивал перед ними палкой, что они просто не могли забыть, кого стоит остерегаться. Даже я тебя, немного побаиваюсь.

– Это всё из-за глаз?

– Да-нет, тот народ давно исчез, нет смысла больше его бояться. А твои глаза вполне обычные, наверное, у всех во сне они такие, я просто не проверял.

– А, что если я скажу, что нечего было бояться. Что был уничтожен, самый мирный народ.

– Тише-тише. Ты ничего об этом не знаешь. Ты был совсем маленький, сам ведь сказал, – произнёс старик, поглядывая по сторонам – Если нас вдруг услышат, придёт конец не только мне и тебе, но и тому, кто тебе это рассказал.

– Кто-то может нас подслушивать? – сказал я и тут же услышал шорох в кустах.

Старик был напуган, подумал, поэтому я мгновенно погнался за тенью, чтобы предотвратить вторжение, кого-то грозного.

Когда я зашёл в кусты, я никого не обнаружил, но поодаль

я заметил старое дерево, что различалось на фоне остальных своей шириной. И последовал к нему незамедлительно. Ожидая увидеть за ним шпиона, я взял первую попавшуюся в руки палку, на случай потасовки. Но очутившись у дерева, кроме того, что оно стояло на маленьком склоне, я не узнал. Часть корней, по сути, весело в воздухе. Чтобы рассмотреть округу поподробнее пришлось на них встать. Бросив палку без надобности и крепко схватившись за ветку, я наступил на самый толстый корень. От чего с него посыпалась земля. Когда же я вступил и второй ногой, пришлось бросить и ветку. Хватая руками воздух, я потерял равновесие и ей богу чуть не упал. Но меня спасла над краем корня вторая ветка, к которой пришлось сделать ещё пару шагов. Найдя равновесия и устойчивое положение, я крепко встал на две свои и уже не держался ни за какие ветки, а отогнул их, чуть придерживая ладонью, чтобы убрать с глаз долой, с обзора вон. Вникая в малейшее движение, думая, что это то самое, чьё-то. Я каждый раз разочаровывался.

То как я ищу смысл жизни, всю свою жизнь или лучше будет сказать все свои жизни, напоминает мне именно то, как я гнался за тем призраком. И ведь казалось, что вот-вот поймаю, но мне всего лишь казалось.

А если ты думаешь, что я не везде искал, то ты ошибаешься, под корнями того дерева я тоже посмотрел и никто там не прятался, как ты мог подумать. Я был ребёнком, а не дураком. Если ты считаешь, что, то, что я тебе сейчас сказал,

имело хоть какой-то смысл то и здесь ты ошибаешься, его нет. Бегать было бессмысленно не только потому, что ничего не смог бы сделать в слабом, детском теле, но и потому что, никого не было, и никто не узнал бы мой секрет, если бы не бежал.

– Но ты продолжаешь, как минимум идти. Почему?

– Помимо всего прочего, я до сих пор верю, что смогу, что-то найти. Ведь один секрет был в то время раскрыт.

Всему своё время.

По возвращению я спросил, сколько времени прошло, на что старик ответил, что мне пора бы уже и самому научиться слышать. И незамедлительно приступил готовить место для учений. Постелив мне и себе лиственные настилы, он сказал сесть и повторить всё, что я делал в прошлый раз, но с одним исключением, не засыпать. А просто следовать каждым указаниям.

– Чтобы прочувствовать, нужно остановиться, и сместить своё внимание на окружающий мир. Забыть все переживания, которые клокочут и бурлят внутри тебя. Телодвижения беспокойного человека, такого как ты, это всего лишь временное высвобождение того бурления и той необузданной энергии, что заправляет, и управляет тобой. Но её можно обуздать.

– Как?

– Услышав природу можно услышать себя. Прислушайся. Что ты слышишь?

– Я слышу шум – боязливо произнёс я.

– Так, попробуй поочерёдно, сфокусироваться на чем то, одном.

– Я слышу шум ветра.

– Попробуй описать его.

– Ну, он такой... шумный... – вновь я затрусил – и ветре-

ный.

– Хорошо, – то и дело, подбадривая, говорил старик, – ещё какой?

– Какой... это... эмм, а, во.... – свистящий.

– А ещё?

– Свежий.

– Отлично, а ещё?

И тут я не выдержал:

– Не знаю я, что заладил, ещё да ещё, ты скажи.

– Ты нахмурился, но ладно скажу он волнообразный.

– Чего? Какой ещё волнообразный? Мы что под водой, потвоему?

– Ладно, сменим объект внимания.

– Хорошо, я слышу траву, её шелестящий и зелёный звук, – сказал я, уже уверенно, поняв, что можно нести всякую чушь. Но старик всё так же продолжал одобрительно подбадривать. Он как я подумал, не понял, что я над ним уже смеюсь. Потому шутки усилились.

– Она с мокрым и чавкающим звуков, сказал я, но старика и эти слова не возмутили. А даже положительно удивили.

– У тебя отлично, получается, можешь открывать глаза, – сказал он, – на сегодня, пожалуй, закончим.

– Как это получается? Я же ничего не понял, – удивился я, – зачем это смехотворное занятие нужно?

– А, да? Ну, ты так не считаешь, это мерзкая часть твоей душонки так считает.

– Но я же смеялся про себя.

– Это да, но точнее будет сказать: Одна часть тебя смеялась над другой частью. Другая же часть отвечала каждый раз правильно. Видимо они до сих пор борются друг с другом, чувствуешь душевную боль?

– Да вроде нет. С тех пор как поспал, чувствую себя прекрасно.

– Значит, дела идут хорошо, но предстоит ещё многое сделать.

– А как же научиться времени?

– Всему своё время.

* * *

– Вот какой круг получился, однако твоё время знать не пришло, – сказал великан, обращаясь ко мне, – Но ты можешь задать три вопроса. И кто знает, может на один из них я дам тебе ответ.

– К этому времени у меня уже куча вопросов. Не часто мне хотелось прерывать твоё повествование вопросами, тем более что оно не завершено. – рассуждал я вслух, – Спешить мне, к сожалению некуда, да и ты, все, в конечном счёте, расскажешь. Поэтому спрошу самое главное:

Первое. Почему мой мир исчез, и я не сгинул вместе с ним?

Второе. Как рассказы, помогут вернуть его?

И третье. Будет ли в рассказе экшн?

– Я уже говорил, что я спас тебя, потому, мне нужен ученик и компания. Но я понял, о чем ты. Ты хочешь знать, почему я выбрал именно тебя. На это я отвечу полу правдой:

Дело в том, что я увидел в тебе себя такой же тянущийся к знаниям и просто не за что любящий жизнь. Какие бы испытания она бы тебе не подкинула ты бы ни за, что не расстался бы с жизнью. Но как оказалось, я ошибался. Я просто не понимаю, почему ты решил идти туда, где явно опасно. Неужели ты знал... Но как это возможно... Ладно, это секрет, который мне ещё предстоит разгадать, и видимо всему своё время.

Так же мы схожи в любви к науке, но в этом и различие. У тебя наука было всю жизнь как развлечение, причём поверхностное, я же использовал науку на практике. В этом я считаю, у тебя, и состоят пробелы в знаниях. Тебе нужны знания системные и эмпирические.

Помнишь, я говорил, что ты сошёл с ума? Так вот – это правда. И чтобы ты был в уравновешенном состоянии, мне пришлось стереть тебе память. Ты хочешь экшн? Я тебе его дам.

Яйцо.

Его слова оглушили меня и пронзили самое сердце, отчего даже мой нос чувствовал себя необычно. Будто бы погружённый в воду я всё сразу вспомнил, и как же это было страшно, мамочки. После пришествия и не сгорания, я оказался дома и видел то, как мой мир рухнул. Я не мог ничего сделать, чтобы его спасти. Но самое печальное это то, что, я был причиной гибели всего живого. Я убил всех друзей, всех семью, и даже маму.

Перед тем как очнуться с ног до головы покрытым потом от огненного сна, бог мне сказал:

– Сгореть в моем величии было слишком безрассудно.

Это были слова, которые я записал первым делом, и от которых в дальнейшем я оттолкнулся, чтобы вспомнить всё остальное, весь сон, от конца до начала. Это всё его вина, он меня наказал, буквально, ни за что.

Писал я, взявшись за ручку средним и большим пальцем. Указательный же палец после сна я не чувствовал и не мог им управлять. Что сильно меня пугало и заставляло, пуститься в рассуждения. Посетил ли меня бог? Прикоснулся ли я к нему? Или всё же это был обычный сон больного воображения, воспалённого сознания.

Я пережил небывалое и настолько ошеломляющее событие, которое даже будучи сном, пугало и устрашало не мень-

ше, чем, если бы это происходило по-настоящему. Но я ещё не знал, что это были всего лишь цветочки. Я и представить не мог, что этот сон был предзнаменованием грядущей боли и несправедливости. Лучше бы то, что последовало дальше, оказалось сном.

Ну, сон и сон. Немного реалистичный, но в основном, сон. Сон он и в Африке сон, подумал я. И принялся собираться в колледж.

Учиться было не очень интересно. На химическом обещали курс десятого-одиннадцатого класса за один год, а на актёрский без одиннадцатого класса не брали. Вот я и поступил. После нам обещали, вообще три года учёбы вместо четырёх, в то время ещё к нашей группе присоединилась девочка. И так шаг за шагом я просто вяз всё глубже. Я попался в ловушку, из которой было очень сложно выбраться. Чтобы чувствовать себя лучше я начал оправдывать своё положение «всё не зря», «вон, сколько отучился», «диплом получу, будет не лишним», «химии в школе не было – одни конспекты, останусь». И даже тот факт, что и в колледже ничего кроме конспектов не было, не смогло отпустить меня. Что-то до сих пор меня держало. Я жил по инерции, куда ветер подует, туда и шёл.

Всё бы отдал, чтобы вернуть мир обратно, я бы изменился. Когда произошла та катастрофа я то и дело, что молился, чтобы всё вернулось, чтобы всё было как раньше.

Выйдя из дома, я сел на полупустой автобус, под номе-

ром сорок четыре. Полупустым он был всё потому, что я как обычно, проспал (полный автобус только рано утром).

Я сел в левой части автобуса и мои колени неожиданно упёрлись в стоящее передо мной кресло. Я и раньше тесные кресла видел вот и не придал этому явлению особого значения. Но после первого усиленного нажима я заподозрил, что это буйный пассажир никак не усядется. Но я вспомнил, что там никого не было, когда я садился, поэтому, после второго нажима, который только нарастал, я начинал понимать, что происходит. Я неумолимо рос.

В это время кондуктор пересчитывал свои деньги и не спешил считать мои. А та немногочисленная горсть пассажиров, что была, вся была повёрнута от меня спиной. Поэтому мой рост не был никем замечен. Лишь водитель, сквозь зеркало заднего вида, нервно поглядывал на мои метаморфозы не моргающими от шока глазами.

Что было удивительно, так это то, что вместе со мной росла и одежда. Создавалось впечатление, что это не я увеличиваюсь, а всё остальное уменьшается. Если за пассажиров я беспокоился, то за себя я запаниковал. Уткнувшись головой в крышу, автобуса я истошно вскрикнул. «Помогите». На что все пассажиры, включая кондуктора, незамедлительно развернулись. Не веря своим глазам, все закричали водиле со страху, открыть поскорее двери. Этот крик вывел его из оцепенения, в котором он пробуждал и вовлёк во всеобщую панику.

Сиденья вокруг меня давно уже были разломаны, в общем-то, они вполне олицетворяли то, что произойдёт через мгновение с автобусом и в итоге со всем миром. Когда автобус остановился, открылись все двери. В эти минуты, я ещё не заполнил собой весь автобус и не закрыл пути отступления, поэтому все без труда могли и покинули его.

Так я думал пока с заднего сиденья, в полной тишине, я не расслышал тихое жужжание музыки. Судя по всему посреди всего этого хауса, кто-то мирно спал, напялив наушники на оба уха и не думая хотя-бы чуть-чуть сбавить громкость. Те, кто вышел же, ничем от него не отличались, так как также были слепы перед не минуемой гибелью. Зарылись лицом в свои телефоны и давай снимать, будто кому то смогут показать, записанное.

– Нужно звонить в скорую, мчс, учёным или хотя бы спасти этого, чёртова засону, – раздосадовано сказал я, но было уже поздно.

Я уже согнулся в три погибели, потому что моих сил не хватало, что бы разорвать прошивку. Лишь, какая-то невообразимая прочность тела и его расширение, могла спасти меня, но она же и сначала задушила того пассажира... господи я помню в мельчайших подробностях как он извивался пытаясь выбраться... и то как, невыносимо вспоминать, выдвлена как из тюбика пасты, вся плоть и кровь.

В эту самую секунду у меня наверняка была гримаса ужаса от происходящего, я просто не мог поверить и готов был

уже отключиться. Но тут же пазик разлетелся на части и высвободил меня. Не желая, чтобы это повторилось, я побежал прочь по дороге, ловко успевая наступать в открывающиеся окна между машин. Из одной полосы я сразу вырос, жаль это была не магистраль, зато до сих пор ни на кого не наступил. Но это не могло, так долго продолжаться. И теперь ноги с трудом вмещались во всю ширину дороги. Рост достиг такого предела, что не было места, куда бы я мог спокойно наступить. Всё было усеяно людьми. И тогда я вспомнил, что за углом буквально, через четырнадцать кварталов есть два удобно стоящие стадионы звезда и его замена на случай непредвиденной ситуации. А на моё усмотрение это был тот самый случай.

Вряд ли я успел бы добежать, никого не задев, и поэтому, я решил прыгать. Так как ноги уже начали заходить на тротуар с одной стороны и на припаркованные машины с другой нужно было срочно действовать, иначе ногами я разрушил бы много домов и тем самым много кого покалечил. Хорошо, что машины уже видели меня издали и не ехали в мою сторону, а люди разбежались кто куда.

Так или иначе, мой бег мог кого-то убить. Не смотря на то, что дома виделись мне уже игрушечными, высотки до сих пор скрывали собой стадионы, а я боялся прогадать. Но всё же прыгнул. И пролетая над домами, попал, к счастью, прямо в цель. Я понимал, что это временная мера и поэтому выискивал новые пути. Но предстал перед выбором из двух

зол. Либо я добираюсь до большого и необитаемого «острова» поля, в котором смогу задержать разрушения на не большое время, но в итоге все равно многих убив. Либо прыгаю по мало, но всё же обитаемым островкам с возможностью выхода из города. Кто я такой, чтобы решать, кто умрет, а кто нет, на мгновение промелькнула мысль. И тут же пришло осознание, что выбора как такого то и нет. В итоге всё равно многие умрут, вряд ли вообще кто-то выживет. Моя задача отсрочить смерть и я решил отсрочить смерть родных и близких.

Нужно было прыгнуть одной ногой в парк с фонтанами перед дворцом культуры, а другой уже допрыгнуть до пустыря. Да это было одиннадцать, но вокруг фонтанов полно лавочек и вполне вероятно, что на них кто-то сидел. Мне не было видно, до прыжка и не было видео после. Но я так понимаю, уже с десятков людей было раздавлено. По моей логике в любом здании людей больше чем вокруг него, поэтому в парк приземлялся не всей ногой. Приземлился таким образом, чтобы не задеть дворец культуры пяткой, то есть на носок.

На пустыре можно было немного передохнуть. Отдыхал до тех пор, пока одна нога, не стала умищаться. Можно было делать шаг, благо, что он был ещё возможен. Я аккуратно ступил, как это не иронично прямо на кладбище, ведь оно была в два раза больше пустыря. Я не знал предел прочности земли, но уверен, что уже тогда прыгать было нельзя.

Поэтому следующим шагом было лишь шагнуть на территорию лыжной базы динамо, перешагнув через частные дома. На лыжной базе я никогда не был из-за того, что ненавижу лыжи, но поэтому я и знаю, что это за место. Благо, что весна и все лыжники ходят без лыж.

Деревья с высоты моего полета стали напоминать мелкие зеленые бутоны брокколи, казалось, что я бегу по обычному ковру экологического происхождения.

Когда я перешагнул р. Каму и на отдых времени больше не было, возможность отсрочить как можно больше смертей, уменьшалось экспоненциально. Малейшее торможение и уже стерто ещё одно поселение, в России их невероятно огромное количество. Они усыпаны буквально повсюду. Я старался бежать на цыпочках как можно быстрее и как можно аккуратнее. Различая места поселений лишь по песочным пятнышкам. Какие были соединены один к другому нитями дорог и паутинками тропинок. Как же они всё-таки похожи на плесень.

Я бы и мог подождать, до тех пор, пока не смогу перешагивать целые города, но для этого понадобилось бы, тогда пожертвовать посёлками. Чего я не мог допустить. Ох, как же мне тогда повезло, что на пути повстречался хребет. Я мог идти по нему, совершенно не волнуясь, что кого-то раздавлю. Какое-то время мой рост синхронизировался вместе с продольным расширением хребта и шёл, будто по дороге. Но затем хребет резко сократился, и я по глупости своей по-

грузил ногу в воду.

Это было Карское море в нём несколько нефтедобывающих платформ, а на его берегах есть парочка поселений. Всех погубил.

Ну почему я угрожал жизням людей даже в воде, промелькнула мысль. И взобрался уже на настоящий остров.

Желая не рисковать, я встал на заснеженные участки, по краям были каменистые. Там вполне могли выжить от наводнения. А я и без них уже давно был с грузом на душе. Я шёл через уступы скопления островков, будто построенных специально для меня.

Вот, что значило «поменяться ролями», подумал я. И пришёл в последний пункт назначения – Гренландию.

Полёт.

Я очутился на Гренландии, и ощутил себя маленьким принцем, способным в любое время посмотреть на закат. Правда, не из-за того, что мог дойти до заката пешком. А из-за того, что закат уже шёл полным ходом. Закат цивилизаций близился.

А я всё хотел его отсрочить. И без возможности выбора, когда Гренландия начала трескаться под ногами, мне пришлось прыгнуть. На удивление это не вызвало никаких проблем, земля ничуть не дрогнула и не сбилась с пути. А я с тоской на душе устремился в космос, не отрывая от земли взгляда. Лишь иногда замечая на планетные шарики, а то и крупницы. Проносящиеся с небывалой скоростью планеты превратились из пыли в ничто. Было невероятно страшно и по-настоящему одиноко. По-моему я чувствовал именно то, что чувствовал бы Бог, если бы он существовал: Бесконечное одиночество.

— Земля давно исчезла из поля видимости, да и солнечная система вместе с ней, но я всё продолжал смотреть в их сторону, пытаюсь разглядеть хотя бы солнце, — сказал я, пытаюсь описать, свои переживания, так как если бы говорил с обычным человеком.

Лично я, за всю жизнь бы не смог понять и доли мною сказанных чувств. Но Великан мог. Его наклонённая голова

выражала невероятное прискорбие, я точно знал, что и он пережил не мало, а исходя из его слов, даже больше. Но я все равно не мог, не злиться на него. Да и как?

Но что могло быть больше? Ведь дальше я вырос до размеров галактики. А пока рос, разрушал целые системы. Спасла меня от дальнейших разрушений лишь чёрная дыра, но и это было ненадолго. Стоя одной ногой на выскальзывающем чёрном теле, я смог дотянуться с начало до одной галактики, а потом и до другой. И каждую из них я сдавливал в своих ладонях желая вскарабкаться по ним подальше от млечного пути. Подвижки были, но малозначительные, каждая галактика, в конце концов, сгорела в руках, оставив за собой пламенные варежки, не боле. Увидев это я, осознал, что мой дом полностью уничтожен, посмотрел вниз, чтобы убедиться. Безднадёга полностью охватила мой разум, и я всё отпустил. Было уже наплевать.

Галактики мирно превращались в стволы деревьев, деревья в ветви, а ветви неумолимо уменьшались до размеров прожилок на листьях этих самых деревьев. Таким образом, передо мной предстала, структура обычной, но в тоже время светящейся губки. Пенная вечеринка чёрт её дери.

Знающий человек сказал бы структура мозга. Но мозг это и есть губка и вне черепа эта структура невероятно нежна и хрупка. Так же было и со вселенной. Отданный воле судьбы я не мог ничего больше поделать кроме, как наблюдать за разрушениями, которые я с каждым разом наносил всё больше

и больше. А сон всё продолжался.

Вылупился.

С каждой секундой дальние слои по мере приближения становились всё ярче и ярче. Тем самым осветляя войды передних слоёв. Если во сне пришествия я видел свечку, то наяву я увидел взрыв десяти атомных бомб. Закрывать глаза веками и речи не могло быть, даже ладони просвечивали. От света просто не было спасения.

Моя неразрушимость пошатнулась. А кровь вновь начала вскипать. Похоже, что галактики становились, настолько малы, что проходили сквозь атомы и сквозь слой всё время защищавший меня.

Среди всего этого безумия я вдруг увидел перед собой маленькое пятнышко и впервые за долгое время, что-то не уменьшалось, а увеличивалось. Это что-то двигалось прямо на меня. Через мгновение я увидел, что это был, чей-то силуэт. Может это Бог пришёл спасти?

Я помахал, приветствуя незнакомца, и силуэт полностью отзеркалил моё движение. Но ещё через мгновение увиденное повергло в шок. Это была моя спина, это был я.

То же самое было и в других пяти сторонах и не в одном не было возможно увидеть своё лицо. Слева справа сверху снизу, куда не повернёшь голову, везде увидишь свой затылок. Вот, что произойдёт, если уменьшить бесконечное пространство до размеров коробочки. Стенки которой будут из

тебя самого. Как только пространство сжалось вокруг меня, настала истинная тьма. Я стал, зажат между собой и собой. И тогда я понял, что именно это и была та самая, настоящая «стенность», что была в детстве. Перед сном я делал всё возможное, чтобы голова, не соприкасалась со стеной. Я боялся, что голова сольётся со стеной, хуже этого были только сиамские близнецы слепленные головами.

Это был самый животный страх из всех. Это паника. Воспоминание об автобусе и о том пареньке, что был раздавлен мной. Клаустрофобия из прихода ночи Айзека Азимова ни за что не сравнится с тем, что пережил я. А я несколько раз отключался от переизбытка потрясений, и тут же просыпался от всё нарастающей сдавливающей силы. Мой самый главный страх исполнился. И каждый раз мысли о том, что «это всего лишь сон», уничтожали меня изнутри, пока я не стал по настоящему мёртвым. Мой разум в буквально смысле запинали, а душу изнасиловали.

* * *

– Лучше бы ты дал мне умереть вместе с моими родными, чем обрекать меня на такие страдания, – сказал я Богу, и вытер залитые от слёз глаза. Сколько раз я молился думая, что это сотворил со мной бог. Но это сотворил со мной ты.

– Да, но ты жив и можешь всё вернуть, а я могу вновь стереть тебе память.

– Спасибо, но нет, я не хочу проживать это всё в третий раз.

– Я всё же не зря стер, когда ты вылез, ты не был человеком в тот момент. Всего лишь оболочкой, даже сердце твоё не желало биться. Не порядок. Ты сошёл с ума. И к твоему сведению ещё во время прыжка. Там уже и так куча умерла по твоей вине, так ты ещё создал несколько малых землетрясений и одно огромное. Пару малых цунами и одно огромное. Растопил ледники в Гренландии. И прыжком унёс с собой одну треть воздуха, порвав тем сам... – И тут он понял, что причиняет мне истинные страдания. – Но теперь ты хотя бы не лежишь мёртвым грузом, как сова клювом в землю уткнувшись. Многовековое затворничество сказалось на моих социальных навыках, извини. Внутри тебя целая вселенная, ты жив, а значит и она тоже.

– Но как? Я же видел, как вселенная в виде бабочки сгинула.

– Это была не твоя вселенная.

– А зачем соврал.

– Ну, а что я должен был сказать? Тебе ведь наплевать на чужие жизни. Как только твоя галактика была растоптана, а родные уничтожены, что ты сделал? Опустил руки! Вот, что такое сумасшествие: всё делать наоборот. Ты всё делал для спасения людей, но затем, что-то в тебе щёлкнуло, и ты переменялся. Птицам это не положено, только коты могут ворчать, когда им хорошо и махать хвостом, когда плохо.

Жизнь.

После этого диалога мы ещё долго шли молча. Разрушить тишину я решил, когда успокоился.

– Птицы к твоему сведенью, машут хвостом в полёте, чтобы не упасть (когда плохо), – воспротивился я последним словам великана – а некоторые ещё и воркуют, когда хорошо, что тоже можно назвать «ворчанием».

– Хочешь, сказать собаки сумасшедшие?

– У меня кот и хвостом машет, когда глажу, и лапу даёт, и полотенце перетягивает, и за мячиками бегает, и даже гавкает. Всё делает наоборот, но это не значит, что он сумасшедший.

– Гавкающий кот, это точно сумасшествие, если ты этого не понимаешь, то и ты сумасшедший.

– Ты себя видел? Сам ты сумасшедший. И вообще мы все сумасшедшие и это абсолютно нормально. Отстань.

– Но я же сказал, что только котам, можно делать всё наоборот. Например, вместо того, что бы пить из кружки, коты их скидывают на пол. И решают не пить, а бить. Если разумное существо разобьёт, то это неуважение чужих или своих трудов. Ты же отдал день жизни, чтобы заработать на посуду – бить бессмысленно, если конечно в этом и не был смысл.

– А ты знаешь, как зародилась жизнь? – сменил я тему разговора.

– А как ты стал живым?

– У меня были родители, но они тоже от живого произошли. А я хочу знать, как живое из не живого появилось.

– Точно так же как и ты – из пузыря.

– Так всё просто? У нас живое из не живого превратить – это алхимия.

– Отнюдь. Обычная химия. Ты состоишь из тех же звёзд.

– Но они на порядок горячее. Сто градусов достаточно, чтобы убить любой живой организм.

– Любой земной, – поправил меня великан, – какие вот у вас есть виды живых существ?

– Углеродный и кремниевый... это имеешь ввиду?

– Да. Так вот, у солнца всё это есть. В конце концов, жизнь это передачи энергии. Правда, проблема солнца, в том, что у него нет обратной связи с внешним миром. И поэтому можно считать солнце живым, но спящим в коме.

– Это уже брехня, – бросил я недоверчиво – какая-то антинаучная.

– Я понимаю, как это звучит, но разве живое не живёт благодаря живому? Есть бесконечное количество миров и в парочке из них я уже побывал. Разнообразие живых существ, просто потрясает. А всё благодаря тому, что есть бесконечное разнообразие вселенных, которые различаются по количеству и составу вещества. Четыре с половиной валентности мало? Есть и пяти и десяти валентные элементы.

– И что, видел говорящее солнце? – сказал я улыбаясь.

– Рад, что ты повеселел, но это не повод для шуток. Как ты после всего, до сих пор скептичен и не веришь, что на этом свете, возможно всё. Ты знаешь, как работает мозг?

– Отчасти. Химический процесс кодировка нулей и единиц.

– Вот именно – химический, а в солнце как не крути термоядерно-химический процесс.. химический. Мозг, по сути это слои накопления энергии, не накопил достаточно, а значит, ничего не понял. После многократных повторений, энергии в итоге становится достаточно, чтобы понять любую идею.

Так и с солнцем. Два протона водорода складываются, преодолевая первый слой кулоновский барьер, чтобы создать дейтрино, который затем встречается с ещё одним дейтрино. Следующий слой это создание гелия-три. К дейтрино прибавляется третий протон. Чтобы создать гелий-четыре складываются уже два гелия-три. При этом всё высвобождается огромное количество энергии. Таких, например как фотон, который переходит в слой лучистого перехода и там уже, только представь, на протяжении двух сот тысяч лет переходит от одного атома к другому. Как думаешь, сколько бы за это время было мыслей у тебя?

– Но в солнце же нет стройной системы, там же абсолютный хаос.

– Ты же видел вселенную, нет никакого хаоса, всё подчиняется законам физики. Посыпая соль на масло ну или пле-

ща пену на воду. Они начинают притягиваться, потому что очень схожи в причинах гравитации в отличие от магнита с металлом. Плоскоземельщикам про магнит говорить глупо, ужасная аналогия. И твоя аналогия тоже не очень, так как скорее проекция, но она куда лучше.

Вода и масло это двухмерное пространство, но то же самое происходит и во всех остальных. Соль, пена неважно оба стоя на поверхности делают ямку, в которую и скатываются. Теперь уходим в космос, где плюс-минус равномерно распределённая по всему космосу пыль, после остывания принялась соединяться, но уже в шестистороннюю яму, в этих ямах образуются астероиды, планеты и звёзды. Ямы соединяются и получают солнечные системы, то есть расщелины. Затем соединяются в расщелины, то есть галактики, в центре которых самые глубокие ямы – чёрные дыры. Солнца уже глубоко но когда они взрываются они вскапывают яму ещё глубже. В общем затем расщелины соединяются в овраги в виде галактик, а овраги в целые каньоны то есть в ланиакеи. По ланиакеям как раз и движутся галактики, стекаясь в мега кластеры как по реке. Про войды забыл сказать про так называемые пустоты. Войды это горы и реки проносятся мимо них.

- И зачем ты мне всё это рассказал?
- Да затем, что вселенная может быть точно также живой.
- Это я уже слышал «вселенная похожа на мозг, значит, она разумна», так, по-твоему?

– А почему бы и нет? Та же молния может несколько раз ударить в одно и то же место. Ударив в первый раз, открывается путь, по которому в дальнейшем молния и проходит раз за разом. Любая система ищет пути меньшего сопротивления и ищет пути сокращения для экономии, как можно большего количества энергии.

– Вот я тебя и подловил, какое тут уж меньшее сокращение за двести тысяч лет то?

– А зачем солнцу всё сразу испускать? Держит в узде.

– А хотя да, – согласился я и призадумался.

– Зная твою любовь к экспериментам, могу показать один. Воочию увидишь и сам убедишься.

Франкенштейн в пробирке.

Великан как по магии материализовал стол, а на нем разные бутылки подписанными странными символами, а вместе с ними материализовалось несколько чашек Петри и всякий хлам.

– Всё смешать в одной посуде?

– Нет, ты что. Возьми ту бутылочку... так подожди. Ах вот – сказал он, и разом надписи стали легко читаемы.

Толи великан, что-то сделал с моим мозгом, то ли он переписал надписи на великий русский язык, также проникнув в мой мозг.

– Возьми бутылку с канифольным отвердителем и налей в ложку, пусть высохнет.

– Звучит не очень по научному, но ладно.

Смола была жидкой и невероятно токсичной. Я сделал, как было велено, и отложил ложку подальше от лица.

– Можешь пока капнуть спирт в воду.

– Самогон не так гонят.

– Я не об этиловом, господи.

– А конкретней, можно?

– Э... эфир фенола.

Я перебрал все бутылки, такого названия не было.

– Как ещё раз?

– Фенокситоларазол.

– Нет, такого.

– Феноксизтанол?

– С «фе» есть монофениловый эфир этиленгликоля.

– Вроде оно.

– Что перевести не смог? – сказал я, раскручивая бутылку

и готовя пипетку.

– Знал бы ты химию лучше, сам бы нашёл исходя из моих слов.

– Знал бы ты русский лучше...

– Нет. Всё, что я нашёл в твоей голове это таблица названий некоторых алканов по числу атомов углерода, я переводил исходя из него, по большей части. Если бы ты знал больше, то и названия были лучше переведены.

– На этикетке помимо названия также есть и структурная формула, мог и по ней сказать. Мол, так и так похожа на головастика, – сказал я капая в воду.

Секунда и капля этого спирта на поверхности воды развела три щупальца в стороны, которые развели ещё щупальца, и в быстром движении исчезли с поверхности воды, виляя щупальцами как змеи своим хвостом.

– Вот это я сказал бы «не по-научному». «Ну ладно». – передразнивая сказал великан -Накрой воду двумя кусочками бумаги, так, чтобы выглядывала полоса воды и капли спирта между бамажками.

И я капнул. Спирт теперь имел вытянутую форму бактерии с маленькими лапками. Щупальца остались, но только

на концах, ими всеми и маленькими и большими бактерия будто бы перебирала, тем самым разрывая себя в разные стороны, как это делают настоящие бактерии. Если бы спирт не выветривался из самодельной бактерии и не уменьшал её объём, я уверен, что она разделилась бы надвое. Что конечно произошло, но только когда от спирта почти ничего не осталось, кроме щупалец, они то и разделились, а после исчезли.

– Как видишь, не живое вполне может быть живым.

– Вот только толку от этого мало, оболочки нет, и тело долго не живёт.

– Без меня ты бы тоже долго не жил. А по поводу оболочки, возьми стекло и прокали его, вот тебе газовая горелка – сказал он, материализуя горелку в моей руке. – Капни пару капель воды отдельно друг от друга.

– Я как будто вернулся в детский клуб, ты это специально? Подражаешь Нафану?

– Кто такой Нафан? Не отвлекайся, теперь капни в капли красители, то есть покрась... воду. С русским у меня и вправду проблемы.

– Воу – сказал я, когда капли вдруг помчались друг за другом, больше слов у меня не было ни русских, ни английских, ни инопланетянских.

– Тебя это впечатлило, а одинокая бактерия нет?

– Ну да. Там то, какая-то неизвестная жидкость, а тут обычная вода, причём живая.

– А ацетон тебе знаком? Давай, думаю смола, уже высохла,

а о хемотаксисе поговорим попозже.

– Правильней химотаксис, а не хемо.

– Как скажешь, кроши давай.

– Кого?

– Смолу! Натри горсточку.

Смола и вправду засохла, и я без труда высунул её из ложки. В таком виде смола была похожа на карамель, что давно уже никто на дому не плавил. Я взял точильный камень и как на тёрке натёр смолу. А пока тёр, спросил:

– Ты сказал про горсть, и я сразу вспомнил философский вопрос с земли «Когда горсть становится горстью?».

– В чём философия?

Я чуть подумал и ответил:

– В том, что даже на такой простой вопрос сложно ответить.

– А ты, какое количество крошек можешь без счёта осознать мгновенно?

Я взглянул на чашку Петри, куда натирал смолу.

– Три-четыре где-то...

– Выходит после четырёх, горсть и становится горстью.

– Но почему?

– Согласись, что слово горсть означает не определённое количество и явно множественное, крупицу ведь никто не считает горсткой, правильно?

– Вроде да.

– Так вот горсть, как и кучку, ты с первого взгляда не со-

считаешь. Значит, идём от обратного. «Что ты не можешь сосчитать?» и будет ответом.

– Но я могу сосчитать.

– Но не всё разом, горсть ведь ты берёшь в руку за один раз, правильно?

Эти слова уже смогли убедить меня.

– Невероятно, – вскинул я, – вопрос, над которым бились великие умы на протяжении веков, был отвечен за считанные секунды. Я слышал, в древности люди не могли окинуть взглядом четыре объекта и сказать, сколько это. Получается Аристотель, назвал бы горстью – цифру четыре.

– Да, а я бы назвал тринадцать.

– И ты можешь столько за один раз? Нечего себе. Видимо в этом мире относительно – всё, – шмыгнув носом, сказал я.

– Ну и третья капля...

– Ацетона?

– Да.

Увиденное было точно также удивительно прекрасно, как и в воде. Но на этот раз ожила смола.

Она моментально вступила в реакцию с ацетоном. Вместе они вызвали такое бурление, какое создавало впечатление, будто бы целые колонии передвигались, от края, до края поедая атомы ацетона. К сожалению, жили они недолго и прекращали своё движение, как только ацетон выдыхался, капля какой-то жидкости оставалась, но выглядела это уже не как аквариум с рыбками, а как вода из бутылки во время

перекуса бутербродом. Смола из жёлтого цвета стала белой и кроме как мокрых крошек хлеба, никаких ассоциаций не вызывала.

Они как будто реально, по-настоящему жили. Если бы на уроках химии показывали это, я бы окончил школу, с золотой медалью. Хотя о чем это я, показывали бы хоть, что-то помимо учебников и тонны текста.

Каждый эксперименты в итоге как бы отдалялся, бактерии становились меньше, а их количество больше, но время не щадило ни одного. Мне кажется, они все жили одинокого мало.

– А возможно сделать так, чтобы они жили подольше, как настоящие организмы.

– Это невероятно сложно и ты не представляешь насколько. Это как минимум должны не просто звёзды сойтись, а атомы в этих звёздах. Это должен быть ацетоновый мир. Чисто с синтетическими смолами, относительно простыми, химическими соединениями. Которые потом должны развиваться до органических смол. При определённой температуре... и тыры-пыры. Слишком много знаменателей. Для этого, по моему мнению, бог и создал так много вселенных. Чтобы они случайным образом синтезировали жизнь. Своими собственными силами это слишком запарно, да и не эффективно.

– То есть ты не настраиваешь каждую отдельно? Они же с тебя сыплются как со старика.

– Так я устал от вопросов, поэтому продолжу свою историю. Вопросы после. На чём я остановился. Ах да. Сказал он и щелчком пальца заставил стол испариться.

– Может стол, оставишь? История интересная конечно, но хочется руки куда-то унять.

– Ты хочешь развлечение во время развлечения. Соберись я верю, что ты можешь сфокусироваться на чем-то одном. Ты же уже эволюционировал из ящерицы, и в отличи от неё в еде не нуждаешься, зачем тебе переключать внимание от одного движения к другому, в надежде найти еду.

– Так ты говорил, природа сильнее.

– Так и ящерица не может бежать за двумя саблезубыми зайцами сразу. Просто следуй словам старика. И так...

Время.

На следующей медитации, я сидел один. Закрыв глаза, я вновь начал слушать. Но на этот раз с левой стороны звуков было куда меньше, и были они совсем другие. Птица всего одна, да и та, очень редко издавала звуки. Такую птицу я впервые в жизни слышал и решил, что птицы опять мигрируют. После медитации к слову все звуки вернулись, а это значит, у затишья были другие причины. Затем я услышал еле-различимые шабуршания в траве. Они-то меня и заинтересовали. Но когда я открыл глаза и пошёл смотреть кто там, то никого не обнаружил. На этом моя медитация была закончена, а на душе было очень хорошо.

Все медитации после, были зеркальными этой. Тихие и редкие звуки были всегда только с правой от меня (на тот момент я ещё не знал о таком понятии как стороны света), но того удовлетворения, что было при тишине с левой, я не получал (чтобы было понятнее, зима была с левой стороны).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.